

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

БУРЛАКИ

Николай Гарин-Михайловский
Бурлаки

«Public Domain»

1895

Гарин-Михайловский Н. Г.

Бурлаки / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1895

«Четыре года отбывал молодой Гамид воинскую повинность – в денщиках служил. Тихий, смирный был Гамид и молодец собой. Все любили его, и начальник говорил ему на прощанье:– Охота тебе, Гамид, уходить, – оставайся! Жаль и Гамиду было, да все-таки потянуло домой...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1895

© Public Domain, 1895

Содержание

I	5
II	6
III	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Николай Гарин-Михайловский

Бурлаки

I

Четыре года отбывал молодой Гамид воинскую повинность – в денщиках служил.

Тихий, смиренный был Гамид и молодец собой. Все любили его, и начальник говорил ему на прощанье:

– Охота тебе, Гамид, уходить, – оставайся!

Жаль и Гамиду было, да все-таки потянуло домой.

Сильно забилося его сердце, когда опять, после четырех лет, увидел он свою глухую деревушку, в ста верстах от Волги.

Все так же стояла там старая мечеть с высоким, тонким минаретом, те же соломой крытые избы с узорчатыми коридорчиками.

Деревня бедная, земля песчаная, требующая удобрения, но скотины мало, и колотятся татары из года в год, проводя зиму впроголодь по своим избам, а на лето отправляясь на работы в степь. «Бурлаки» – так зовут таких татар в степи.

Пришел Гамид домой как раз в праздник. Идет по улице, и первая, кого он увидел в своем селе, была высокая, красивая Мялмуре.

Остановился Гамид и глазам своим не верит, как она выросла.

Когда в солдаты уходил он, – девочкой еще, тонкой козочкой прыгала Мялмуре, а теперь прошла по улице, и засмотрелся ей вслед Гамид. И сам он молодец, особенно в гусарском мундире, который нарочно надел; а тут про все забыл, глядя вслед Мялмуре: лицо набелено, ногти красной краской выкрашены, зубы – черной. Концы платка, что падает с головы, спускаются на плечи. Этим платком лицо покрывает Мялмуре, а из-за платка черные глаза так и горят на Гамида. В сердце прямо прошел к нему этот взгляд. А на тонких руках браслеты, перевязь через плечо, усыпанная серебром и бирюзой, а сзади, из-под платка, два серебряных рубля болтаются на красной блузе, расшитой яркими оранжевыми тесемками.

Прошла Мялмуре, а Гамид все стоял и смотрел ей вслед, и потянулось за ней сердце его, потянулись все мысли его, весь свет ушел за ней. Только и видел с тех пор и наяву и во сне свою Мялмуре Гамид. Молодая, красивая, высокая, самая красивая, самая высокая из всех девушек деревни.

II

Старый отец у Гамида, так и зовут его – старый Амзя. Высокий, худой, бритый. Только из-под подбородка торчит клочок длинной седой бороды, как у козла или как у почтенного американского колониста, в круглой из белой шерсти шляпе. Но снимет Амзя свою шляпу да тюбетейку с бритой головы, и уж тогда никто не ошибется, что он не американский колонист, а старый, сухой, как обглоданная кость, татарин.

Обрадовался Амзя сыну. Точно стену в погребке разломали и проникли вдруг лучи солнца в темный погреб, так и на душе Амзи вдруг светло стало. Нарядный, как игрушка, сын, его сын: кормить станет теперь старого отца...

Отдохнул Гамид с дороги и вместе с отцом ушел «бурлачить» в степь. Лето проработали в степи, а на зиму домой назад пришли.

Идет и думает старый Амзя: надо женить сына. Думает и Гамид о жене.

Как только пришли в деревню, надел Гамид высокие сапоги, ситцевую в черных крапинках рубашку, безрукавку и пошел туда, где жила Мьялмуре: не увидит ли ее. А Мьялмуре как раз с речки идет с длинным тонким кувшином. Покраснел Гамид до ушей, смутилась Мьялмуре и, отвернувшись, прошла в свою избу...

Хороша Мьялмуре, да богат Елалдин, отец Мьялмуре, не отдаст за Гамида. Восемь лошадей у Елалдина, почту гоняет, с самим Миньготой дружбу водит.

«Что ж, что богат? – думает Гамид, – а я молодой да сильный, работать могу за двоих, – только бы узнал он меня: полюбит как сына».

У Елалдина в то время как раз ямщик ушел, и вздумал Гамид в ямщики к нему наняться. Такого ямщика кому не надо?

Живет Гамид на широком дворе Елалдина, ест салму за одним столом с Мьялмуре, а утром смотрит, как идет она с ведрами, покачиваясь, как трость, за водой. Натаскает с речки в бадью, что стоит во дворе, а потом начнет высоким узорчатым кувшином с тонкой шейкой черпать воду из бадьи и носить в дом. Черпает не торопясь и смотрит, как Гамид возится под навесом, – то лошадей готовит, то чинит почтовую тележку, а то просто вертит в руках кнут, внимательно осматривая его с таким видом, чтоб не догадалась Мьялмуре, что на нее только и глядит Гамид.

А догадались уж все: и Мьялмуре, и Елалдин, и Маньяман – старая сестра Елалдина, которая живет вместо хозяйки в его доме, потому что умерла его жена, а другой он себе еще не высмотрел, да и хотел прежде дочь замуж выдать, а потом уж и самому жениться.

Старая тетка Маньяман любила Мьялмуре, полюбила и Гамида, но Елалдин не то думал.

Миньгота, богатый и старый, искал себе четвертую жену и стал ездить в гости к Елалдину.

Миньгота богатый купец и знает торговое дело так, как никто. С казанскими купцами ведет торговлю, и издалека ездят к нему. Торгует кожами, гуртами, топит сало, торгует чаем, сахаром и всяким товаром, сеет много хлеба и по зимам, в дешевое время, за бесценку нанимает на дорогие летние работы. Живет он верст за двадцать пять в большом торговом селе.

Не по душе старый Миньгота молодой Мьялмуре. И тетке не люб он. Один Елалдин за него стоит.

III

Пропало бы дело Гамида, и не женился бы он на Мялмуре, если бы не выручил случай. Верстах в пятидесяти от их деревни была земля одного петербургского барина. Барин был молодой, служил в Петербурге, а летом наезжал к себе в деревню. Когда ездил, то всегда заезжал сменять лошадей к Елалдину. Барин был ласковый, добрый, и все у Елалдина радовались, когда приезжал он. Два года уже не был барин. Стояли тяжелые годы: голод был, хворь была, – от хвори и старуха Елалдина померла. Убавилось и богатства у него: стал и он смотреть не так весело, как прежде.

Пришла весна третьего года. Опять не веселили поля. Гамид уж год своей службы доживал у Елалдина, когда опять заехал во двор знакомый барин. Самого Елалдина не было дома. Хоть и праздник был, но он уехал в гости к Миньготе.

Увидали в окно, кто подъехал, и бросились к воротам: и тетка и Мялмуре. Смотрит Гамид – какой-такой дорогой гость приехал? Рассказала ему наскоро Мялмуре, пока старая Маньяман здоровалась да хлопотала возле барина.

Маньяман души своей не слышала от радости. Ей-то дороже всех барин. Совсем ослепла было старуха года два назад, и в глазах так темно было, как в сыром погребе, и голова болела – не жила, а мучилась тогда старая Маньяман. Вот и рассказала она как-то проезжавшему барину про свою болезнь. Поговорил барин с Елалдином и приказал привезти Маньяман к себе в усадьбу. Поместил ее барин в своем доме, – дом большой, а он один. Выписал доктора из города. Приехал доктор, пришел к Маньяман в комнату и говорит ей по-татарски: «Хочешь, Маньяман, видеть?» – «Хочу», – отвечает Маньяман. «А не боишься того, что я буду глаз твой резать?» – «Не боюсь», – говорит Маньяман. Взял кто-то за голову Маньяман, она дрожит вся, – глаза так быстро, быстро мигают, а доктор. все говорит ласково, тихо: «Не бойся, Маньяман, не бойся». И не помнит уж Маньяман, что было дальше. Потом пришла в себя. Через неделю пришел доктор, поднял ей повязку, спрашивает: «Что видишь, Маньяман?» Смотрит Маньяман в окно. – «Травку зеленую вижу». – И заплакала от радости. «А голова болит?» – «Прошла голова». Еще две недели продержали Маньяман и, наконец, домойпустили. Доктор сказал ей на прощанье: «Смотри, Маньяман: как ветер или пыль – не ходи на двор – глаза запылишь, тогда нехорошо опять будет». Сперва береглась, а потом стала ходить: нельзя по крестьянству не ходить. Запорошит глаза, опять голова заболит – и через туман начинает видеть Маньяман, когда светло и нет пыли на дворе – хорошо и сейчас видит.

Теперь она сидит с знакомым баринком на крыльчке, поднесла руку к своему старому опухшему лицу и смотрит снизу вверх в лицо своего милого барина. Всматривается и Гамид в барина: смотрит на его черную стриженую голову, на его мягкую черную бороду, добрые острые глаза, и все хочется ему еще смотреть, и удивляется он и думает, что вот и богатый и барин, а разговаривает с простыми людьми, и смеется с ними, и руку им жмет.

– Ты, – говорит барин старухе, – не Маньяман по-нашему, а Марфа, а Елалдин – Дмитрий.

Мялмуре самовар поставила, пока барин разговаривал с теткой на крыльчке, стол накрыла, поставила поднос с маленькими чашечками на высоких шейках. Сама одела новый костюм, вышла на крыльцо и по-татарски зовет барина чай пить.

Не понимает барин, смотрит на Мялмуре, смеется и говорит ей по-русски – какая красавица она стала. Смеется и Мялмуре, качает головой и говорит с сожалением:

– Не понимай русску.

Маньяман переводит, краснеет Мялмуре и, присев на лавке, все смотрит, как молодой барин пьет чай. Вошел и Гамид, облокотился о дверь и тоже смотрит.

– Это кто, Марфа? – спросил барин, указывая на Гамида.

– Наш работник.

- Ты и повезешь? – обратился барин к нему.
- Так точно, ваше благородие, – ответил ласково Гамид и вытянулся, как солдат.
- В солдатах был?
- Так точно, ваше благородие.
- Женат?
- Никак нет, ваше благородие.

Барин подумал.

- Такой молодой, красивый, и не женат – надо жениться.
- Так точно, надо.
- Вот тебе жена – Мялмуре.

Загорелись глаза у Гамида, засмеялись все, отвернулась Мялмуре. Замолчали.

- А лошади приготовлены? – спросил барин.
- Так точно.
- И запрягать можно?
- Так точно, можно.
- Ну так запрягай.
- Слушаю-с.
- Хороший работник? – кусая бородку, спросил барин, когда ушел Гамид.
- Больно хороша, – отвечала Маньяман.
- Ну что ж, вот выдайте Мялмуре.

Старуха покачала головой.

- Дмитрий не хочет.

И доверчивым шепотом старуха рассказала барину о помыслах Елалдина и о старом Миньготе.

Барин задумчиво слушал, кусая бородку, и проговорил, когда кончила старуха:

- Нехорошо, Марфа!
- Знамо, нехорошо, – вздохнула старуха, – чего станешь делать?
- Надо уговорить Дмитрия.
- Не станет слушать, – мотнула головой Маньяман.
- Ты скажи, чтоб он приехал ко мне.
- Ладно... Ты ему говорить станешь?
- Стану.
- Не говори только, что я сказала. Больно сердиться будет.
- Ладно... А Мялмуре пойдет за Гамидом?

Мялмуре, хотя и не понимала по-русски, но опустила голову и покраснела. Маньяман ответила за нее:

- Знамо, лучше, чем за старого.

Когда Гамид подал лошадей, барин встал и произнес:

- Ну, прощай, Марфа. Прощай, Мялмуре... тебя надо звать – красавица Зарема.
- Старуха перевела ей.

Барин все держал за руку Мялмуре, а она краснела и смотрела в окно.

Лишь только барин вышел и сел в тарантас, как подъехал и сам Елалдин и, слезши у ворот с плетушки, пошел к барину.

– Здравствуй, Андрей Петрович, – проговорил он, озабоченно подходя и пожимая протянутую руку.

Елалдин был не в духе: верно, с Миньготой не ладилось дело.

- Здравствуй, Дмитрий, – ответил барин, – как поживаешь?
- Слава богу.
- Ну что, как хлеб?

– Не видно еще... Как бы худо опять не было?

– Будет урожай.

Елалдин покачал недоверчиво головой.

– Земля стара стала. Баба стара – нету детей, земля стара – нету хлеба.

– Будет. Год на год не приходит, Елалдин.

Елалдин опять кивнул бритой головой и, смотря в свою шапку, которую держал в руках, раздумчиво сказал:

– Год на год не приходит, час на час не приходит... Человек на человека не приходит... сейчас так думал, сейчас другое уже.

Елалдин вздохнул и, подняв голову, посмотрел в голубое небо.

– Да, да, – вздохнул и барин, – ну, прощай. Я вот без тебя чаю напился, дочка твоя угостила... Маленькая была, а теперь невеста стала... год на год не приходит, – весело кивнул головой молодой барин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.